

И. Арский

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ВО ФРАНЦИИ В 1358 г. („ЖАКЕРИЯ“)

Феодальные отношения начали складываться на территории современной Франции в VIII—IX столетии, в так называемую эпоху каролингов. Окончательного своего оформления они достигли в XI—XII веках.

Земельные отношения к этому времени сложились в следующем виде: земля, принадлежавшая феодальному помещику, делилась на барскую запашку (так называемый домен), участки крестьян-держателей и общинные угодья (лес, выгон и т. п.). Барская запашка занимала меньшую часть земли и чем позже, тем все более сокращалась. Основная, наибольшая часть земли поместья была занята крестьянскими держаниями.

В эпоху развитого феодализма французское крестьянство распалось по своему социальному положению на две основные категории: сервов и вилланов. Сервы — это те, кого мы на русском языке называем крепостными, вилланы — это так называемые лично-свободные крестьяне. Но обе категории крестьян независимо от своей юридической «свободы» или «несвободы» находились в личной зависимости от помещиков. Разница была только в большей или

меньшей тяжести этой зависимости. На эту существенную сторону феодального общества указывал Маркс:

«Перенесемся в мрачное европейское средневековье... Личная зависимость характеризует тут общественные отношения материального производства в такой же степени, как и иные, воздвигнутые на этой основе сферы жизни»¹.

Сервы в XI—XII веках составляли подавляющее большинство крестьянства во Франции. Основные формальные отличия их от вилланов: 1) произвольная талья, т. е. обложения крестьян оброками и повинностями, главным образом барщиной, целиком по усмотрению самого помещика, 2) формарьяж (formariage), т. е. уплата определенной денежной выкупки при выходе крестьянской девушки замуж в другое поместье; 3) менморт (mainmorte), т. е. право помещика на часть имущества умершего крестьянина или на денежное возмещение ее.

Первоначальное полное прикрепление сервов к земле поместья и связанное с этим право помещика отыскивать и силой возвращать беглых сервов обратно в поместья (droit de

¹ К. Маркс «Капитал» Т. I, стр. 38. Партиздат 1936.

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2013
раздел нашей библиотеки,
посвященный истории Средних веков:
<http://istmat.info/node/29199>

Борьба классов. 1936, № 10

ду его преследовали вымогательства помещика, не говоря уже о таких унижительных повинностях, как «право первой ночи» с новобрачной крестьянкой.

Техника обработки земли была чрезвычайно низка, — следовательно, низки были и урожаи. Господствовал принудительный севооборот, связанный с «системой открытых полей», при которой после окончания полевых работ снимаются изгороди с земельных участков и вся деревенская земля превращается в общее пастбище для скота всей сельской общины.

Скота — относительно обрабатываемой площади — было довольно много, но скот был низкого качества.

Плуг был роскошью для французского крестьянства. Обычно несколько семей складывались и сообща обзаводились плугом. Очень многие крестьяне обрабатывали свои участки вручную, мотыгами. Еще и в XVIII веке на полях Франции можно было видеть таких несчастных, с восхода до заката ковырявших сухую землю под палящим солнцем, не разгибая спины. Основным удобрением служил навоз.

Дорого доставался французскому крестьянину его кусок черного хлеба с сыром. Масло, птица, мясо, белый хлеб — все это было для крестьянина недоступным лакомством. Все это он отдавал помещику. Черный хлеб, сыр, овощи были главной пищей крестьян. На юге употребляли плохонькое вино, на севере — яблочный сидр и пиво. Жили от урожая к урожаю, но так как плохие урожаи были постоянным явлением, то обычным состоянием для французского крестьянина было недоедание. За голодовками шли эпидемии, вызывавшие колоссальную смертность, которая и в обычные годы была очень высока.

Жалок был внешний вид средневековых французских деревень. Нечто подобное в наши дни можно видеть в батрацких поселках испанской Эстремадуры. Они состояли из деревянных, а кое-где каменных хижин, крытых соломой. Щели забивали соломой и сеном. Окном служила дверь, которая являлась также и трубой. Печи встречались только у зажиточных крестьян. Огонь раскладывался

прямо посередине хижины. Спали на соломе, разостланной на полу.

Помещики не только жестоко эксплуатировали крестьян, но и глубоко презирали их. Даже на войне дворяне не могли сдержать своей ненависти и презрения к «мужикам». В 1302 году в битве с ополчением французских городов при Куртрэ французские пехотинцы, горожане и крестьяне, храбро сражаясь, уже было отбросили фламандцев. Тогда, по преданию, один из дворян обратился к французскому командующему графу д'Артуа со словами:

«Сир, эти мужики так дерутся, что, пожалуй, добьются сами победы!»

Французские рыцари бросились в атаку и по дороге усердно принимались топтать собственную пехоту. Итогом был разгром французских фламандцами. Нечто подобное произошло и в битве французских с англичанами при Креси (1396 год).

Презрение к Яшке-простаку («Жакбоном»), как дворяне называли крестьян, выражали поговорки, ходившие среди них: «У Яшки-простака добрая спина — она все вынесет» и т. д. На ненависть и презрение дворян крестьяне отвечали тем же, но сила была в руках знати, вооруженной до зубов, закованной с ног до головы в стальные доспехи, с детства ничем, кроме обжорства, пьянства, разврата и военного дела, не занимавшейся. Королевская власть представляла собой диктатуру дворян. Многочисленная армия попов и монахов затемняла сознание крестьянина, проповедуя смирение и подчинение господам и обещая бедным и угнетенным «спасение на том свете». Крестьяне терпели и трудились в поте лица своего для господ. Но время от времени даже их терпение лопалось. Крестьяне восставали, но, разрозненные, неорганизованные, безоружные, они оказывались большей частью беззащитными перед рыцарскими войсками. Дворяне быстро приходили на помощь друг другу и яростно обрушивались на крестьян, осмелившихся делать попытки сбросить с себя бремя эксплуатации.

К XIII веку острота классовых противоречий между разоренным и истощенным крестьянством, доведенным

до отчаяния, с одной стороны, и помещиками — с другой, достигла такой остроты, что угрожала взрывом всеобщего восстания. Отдельные стихийные бунты, убийства помещиков, поджоги создавали накаленную атмосферу в деревне. К тому же при медленном росте производительности труда и сельскохозяйственной техники доходов от эксплуатации крестьянства не стало хватать для удовлетворения хищных appetitov все более разномолавшейся знати. Беззачетные младшие сыновья дворянских фамилий составляли очень многочисленную и буйно-беспокойную часть дворянства.

Основным занятием этой дворянской «голытьбы» были непрерывные междоусобия, войны, грабежи и т. п. Развивающаяся централизаторская деятельность крупных феодалов встречала сопротивление этих, не поддающихся никакой дисциплине элементов феодальной анархии.

Что касается крестьянства, то оно оказывало не только активное, но еще и пассивное сопротивление помещичьей эксплуатации: бежало куда глаза глядят, большей частью в леса, где, расчищая новые земли, оно искало себе лучшей жизни. Из этих беглецов создавалась новая категория крестьянства, так называемые свободные поселенцы (*hôtés*), которых охотно принимали на свои земли феодалы — владельцы необработанных пространств, соглашаясь на более легкие условия эксплуатации. Привлечение таких *hôtés* на свои земли становилось целью большей части крупнейших феодалов Франции, в том числе и самих королей, которых их вассалы не раз обвиняли в неспристойном переманивании крестьян на свои земли.

Бегство крестьян заставляет помещиков идти на смягчение феодального гнета, на выкуп за деньги серважа. Так называемое освобождение крестьян во Франции в XIII веке означало, что сеньоры за деньги (вносимые целыми деревнями одновременно или в рассрочку) заменяют произвольное обложение крестьян фиксированной барщиной, оброком и другими повинностями. Даже буржуазная наука, ее прогрессивные представители высту-

suite) постепенно ослабляются, но все же крестьянин постоянно был по рукам и ногам опутан сетями всевозможных помещичьих прав и привилегий. Все крестьяне поместья, как сервы, так и вилланы, были подчинены судебной юрисдикции сеньора. Это подчинение было источником обильных штрафов, пополнявших карманы помещиков. Кроме того крестьянина призывали для военной службы, большей частью для охраны и защиты усадьбы и возведения замков и других укреплений. При торговых сделках, которые заключали крестьяне, помещики получали часть стоимости проданного. Крестьянин не мог вывезти на рынок свой урожай без разрешения помещика и раньше, чем помещик продаст урожай своего домена. Крестьянин должен был печь хлеб в помещичьей печи, выжимать виноград под барским прессом и за все это, конечно, платить (так называемые баналитеты). Крестьянин должен был вносить в пользу церкви «большую десятину» (одна двенадцатая с урожая злаков) и «малую» (со скота, льна и т. п.). Но так как большую часть этой десятины забирал себе помещик, то сельский поп облагал крестьян еще особыми сборами в свою пользу. Куда бы ни повернулся крестьянин, что бы он ни сделал, — всю-

Сельские работы во Франции XI в. По миниатюре того времени

дены были предостерегать от идеализации этого процесса «Освобождение, — как указывал Анри Сэ, — все не ликвидировало помещичьей эксплуатации крестьянства»¹

Не только бегство крестьян на вольные земли (и за границу, например в Испанию, куда в XI веке вливались целые потоки переселенцев из Франции) и нужда помещиков в деньгах в связи с крестовыми походами, но и еще одно явление в истории Франции в XI—XIII веках ускорило исчезновение серважа это было так называемое коммунальное движение, центральной ареной которого была Северовосточная Франция Борьба городов за свое самоуправление отзывалась эхом и в деревнях открытая борьба горожан против своих сеньоров и их успехи в этой борьбе были успехами «ротюрберов» (мужиков) над «благородными» (дворянами) Коммунальное движение привлекало в города сервов, которые, пробыв там год и один день, становились юридически свободными

Не следует представлять себе отношения городских коммун к крестьянству в розовом свете Городецкая буржуазия, воспользовавшись плодами

коммунального движения, отнюдь не стремилась выступать представительницей всех эксплуатируемых против феодальной знати Наоборот, города сами превращались в коллективных сеньоров и эксплуататоров окрестного крестьянства Не даром в 1114 году при разгроме королем коммуны в городе Лане собравшиеся толпы крестьян наводнили город и усердно громили его, оплатив этим за множество обид, притеснений и вымогательств, которым их подвергала городская буржуазия

Тем не менее все эти изменения в социальном строе средневековой Франции способствовали исчезновению серважа В XIV веке виланы уже составляли большинство крестьян

2

Изменения условий жизни французского крестьянства происходили в постоянной классовой борьбе в деревне Крестьяне не только бежали из поместий, не только убивали отдельных, наиболее ненавистных эксплуататоров и поджигали их усадьбы, не только уходили в крестовые походы, но и пытались открытым восстанием сбросить невыносимое иго

Буржуазная наука, не имея никакой возможности отрицать остроту классовых противоречий во французской деревне, например в XIV веке, когда массовые крестьянские восстания слишком ясно ее обнаруживают, пытается обычно изображать так называемое раннее средневековье, каролингскую эпоху, как эпоху, когда совсем легкая эксплуатация крестьян помещиками («покровители крестьян»²) не вызвала конфликтов между обоими классами Это, конечно, совершенно неверно

Каролингская эпоха (VIII—IX века) во Франции также знала острую классовую борьбу Это было сопротивление разоряемых и закабаляемых свободных крестьян процессу закрепоще-

² См., например, U m b a r t d e l a T o u r «L'evolution des idees sociales au moyen age du XI au XIII siecle» au «Comptes-rendus des seances et travaux de l'Academie sciences morales et politiques» V 46, p 398—399 1896

ния и борьба сервов и колонов против растущей помещичьей эксплуатации Правда, на территории Франции в этот период мы не встретим таких огромных массовых восстаний, как например крестьянская война 1358 года, но это объясняется условиями натурального хозяйства и связанной с ним экономической разобщенностью и оторванностью отдельных районов страны, что приводило во Франции, как и в других странах при сходных условиях, к узкой локализации столкновений крестьян с помещиками К тому же о большей части этих классовых конфликтов мы ничего не знаем из-за скудости дошедших до нас источников Наконец, и буржуазная наука в силу своей классовой природы и прежде не интересовалась этими вопросами, а в позднейшее время и особенно теперь сознательно их обходит либо старательно затушевывает

О борьбе крестьянства каролингской эпохи с помещиками в королевстве Франции все же сообщают некоторые источники Так, капитулярный 821 года упоминает о каких-то «заговорах сервов» во Фландрии Знаем мы и о некоторых отдельных столкновениях крестьян с помещиками, как например сопротивление феодальному гнету колонов монастыря Редон, в Бретани Писательский эдикт 862 года упоминает о выступлении королевских сервов против новых видов барщины Но то, что нам известно, составляет, вероятно, только ничтожную часть тех классовых боев, которые происходили постоянно, но о большинстве которых до нас не дошло никаких сведений

В 997 году в Нормандии вспыхнуло восстание крестьян, свирепо подавленное дворянами, отрубавшими своим пленникам руки, вырывавшими у них глаза, жарившими и варившими их живьем До нас дошли только отголоски, только слова нормандских крестьян

«Мы такие же люди, как и они, — говорили крестьяне, — у нас те же члены и такое же, как у них, тело, и мы так же можем страдать Нам нужно только быть храбрыми Соединимся клятвенно, чтобы друг другу

помогать, одному другого защищать и все иметь сообща А захотят они с нами драться, ведь у нас против одного рыцаря тридцать или сорок крестьян, сильных и умеющих сражаться»¹

От эпохи XI—XIII веков до нас дошли известия о ряде крестьянских восстаний Но все это большей частью местные вспышки, которые не могли слиться в пожар крупного восстания по экономическим условиям эпохи, разобщенности отдельных районов и превосходству сил господствующего класса

В 1024 году восстали крестьяне в Бретани, в 1032 году — в Бургундии В 1057 году крестьяне Розуа силой добились у своих сеньоров, каноников Нотр Дам де Пари (собор Парижской богородицы), отмены серважа В 1268 году в Игвиле восстали крестьяне того же собора, и, хотя восстание было подавлено и крестьяне обложены тяжелыми штрафами, все же они добились фиксации своей повинности Но подавляющее число бесчисленных крестьянских восстаний еще ждет своего исследователя

Уже с XIII века Франция знает и крупные восстания крестьян Весной 1251 года проповедник Яков, будто бы беглый монах из Венгрии, стал призывать крестьян ополчиться и идти освобождать короля Людовика IX, попавшего в плен к сарацинам При этом он громил притеснения и угнетения, которым подвергали крестьян дворяне и попы Крестьяне охотно откликнулись на призывы Якова Они толпами присоединялись к нему, бросая свои земли и стада Особенно много пришло пастухов, благодаря чему всех восставших стали называть «пастушками»

Огромное войско крестьян двинулось к южнофранцузским портам, громя по дороге помещичьи усадьбы Они немедленно были отлучены от церкви, и зная, собрав сильное войско, разогнала неорганизованные и плохо вооруженные толпы крестьян Предводитель их Яков был убит, а его товарищи, перевешаны

Но память о восстании «пастуш-

¹ Delisle «Etudes sur la condition de la classe agricole en Normandie au moyen age», p 122-125 Fvreux 1851

¹ M Bloch «Les caracteres originaux de l'histoire rurale française», p 272 Paris 1931

Французские крестьяне XVI в С миниатюры

ков» не умерла во Франции В 1320 году произошло второе восстание «папушников» в сходной обстановке Снова толпы крестьян (по летописи, их было около 40 тысяч) двинулись к южнофранцузским портам в крестовый поход, разрушая по дороге усадьбы помещиков Граф де Фуа напал на них и рассеял крестьянское ополчение Много крестьян было убито, много перевешано Это было прелюдией к огромной крестьянской войне 1358 года

Все это время во Франции происходили и отдельные небольшие крестьянские восстания Так например в 1315 году восстали крестьяне в Сенонэ

Борьба фландрских крестьян с французским рыцарством в первой половине XIV века еще больше накаляла атмосферу и разрушала представление о непобедимости рыцарской конницы Может быть, частично с этой обстановкой связано опубликование в 1315 году королевского ордонанса, в котором король Людовик X вежливо заявлял о своем желании, чтобы крестьяне во Франции были свободны На деле он просто поощрял выкуп крестьянами сервилльных повин-

ностей из фискальных соображений Крестьянам так дорого приходилось платить за это «освобождение», что их иногда приходилось заставлять насильно идти на выкуп и вносить выкупные суммы

3

Восстание 1358 года, известное в истории под названием «Жакерии», началось и происходило в необычайной для средневековой Франции обстановке Особенность положения заключалась в том, что королевская власть в период так называемой столетней войны с Англией, начавшейся в 1337 году рядом тяжелых и позорных поражений (битва при Креси—в 1346 году, при Пуатье — в 1356 году), была крайне ослаблена Сам король Иоанн II, неизвестно за что прозванный дворянскими летописцами «Добрый», попал в плен, феодальный режим был расшатан, часть дворян была перебита и огромное число их попало в плен, буржуазия озлоблена военной бездарностью правительства, его налоговыми требованиями, административным хаосом, царившим в стране, взяточничеством и воровством дворян чиновников, открытым грабежом населения своими же войсками, и т п

Особенное возмущение по всей стране вызвала битва при Пуатье, после которой славшиеся англичанам дворяне стали выкупаться из плена Это повело к резкому увеличению поборов Очень часто английские рыцари «великодушно» отпускали своих пленников «на честное слово», и те, уже вернувшись на родину, сами выколачивали из своих крестьян деньги на выкуп На плечи многострадального французского крестьянина обрушилось новое колоссальное бремя Выкуп за одного короля Иоанна составил огромную сумму За дворянские неудачи, как всегда, должны были расплачиваться крестьяне!

Эксплуатация крестьянства к тому времени и независимо от войны возросла, процесс внутренней колонизации во Франции закончился Для крестьян исчезла возможность бегства с земли, и помещики уже могли не опасаться того, что они останутся без

крестьян В то же время развитие денежного хозяйства все более повышало аппетиты феодалов и доводило их грабительский пыл до предела

Чрезвычайно страдало французское крестьянство и от грабежей так называемых компаний — наемных отрядов, состоявших из разорившихся дворян, смотревших на войну как на сословную профессию

Эти отряды усиленно форсировались во время столетней войны После прекращения военных действий «компании» рассеивались по всей стране, беспощадно грабя, разоряя и убивая крестьян Каковы были последствия этих опустошений, можно судить хотя бы по тому, что некоторые «компании» насчитывали до десятка тысяч человек и походили на целые армии Крестьяне бежали в леса и прятались там как дикие звери

Летописец того времени, Жан де Венетт так описывал состояние Северной Франции

«В 1358 году никто не возделывал виноградников, источник того благодетельного сока, который радует сердце человека, поля не засеивались и не обрабатывались, коровы и овцы не ходили на пастбище Церкви и дома, приходившие в упадок, всюду носили следы пожиравшего их пламени или зловещих и дымившихся еще развалин Взор не радовался, как некогда, виду зеленых лугов и желтеющих нив, но чаще приходил в трепет от созерцания повсюду торчавших колючек и чертополоха Колокола ботее не звонили, весело созывая верующих на божественную службу, но только были тревогу и давали крестьянам сигнал к бегству при приближении врагов»

В это время ряды господствующего класса во Франции были расстроены еще и распрей между королем Иоанном и королем Наварры Карлом Злым, потомком вымершей в 1328 году династии Капетингов, одним из крупнейших феодалов Франции Он претендовал на французский престол, оспаривая права правившей в то время династии Валуа

На сторону Карла Наваррского перешла часть дворян, недовольная военными неудачами, крупными поборами

и ограничением своих старинных феодальных вольностей и привилегий Его поддерживала и парижская буржуазия

В это же время развернулся острый конфликт между правительством и сословным представительством Франции — Генеральными штатами Правительство добивалось у Генеральных штатов вотиования денежных субсидий на военные нужды Генеральные штаты в принципе не отказывались от этого, но, сомневаясь в том, что королевские чиновники-дворяне, действительно употребят собранные деньги на те цели, для которых они предназначались, а не разворуют их они в свою очередь добивались установления тщательного и постоянного контроля Генеральных штатов над финансами и администрацией королевства

Застрельщиком в этой борьбе была буржуазия, главным образом богатейшего, крупнейшего города Франции, королевской резиденции, — Парижа Во главе буржуазии стоял богатый купец, купеческий старшина Парижа Этьен Марсель, человек выдающихся дарований и широкого политического горизонта В 1357 году Генеральным штатам удалось добиться у сидевшего без денег и без войска дофина (наследника) Карла так называемого Великого мартовского ордонанса, по которому правительство становилось под тщательный контроль Генеральных штатов, которые могли собираться через каждые три года автоматически и без созыва их королем Этот же ордонанс, между прочим, предоставил крестьянам право вооружаться для отпора грабительству войск

Несмотря на это, общественное недовольство шло все более вглубь, охватывая широкие народные массы, становясь антифеодальным и демократическим Дофин Карл, вовсе не собиравшийся примириться с вынужденным ордонансом 1357 года, тайне накапливал силы, чтобы разгромить Париж — оплот недовольства Это вызвало огромную гневную демонстрацию народа 22 февраля 1358 года Толпа парижан ворвалась во дворец и убила двух высших сановников королевства, стоявших рядом с дофином Последний поспешил бежать из Парижа

Французские виноградари XVI в. С миниатюры

Между тем конфликт между правительством регента и парижской буржуазией все более обострялся. Дофин собрал значительное войско феодалов и занял все важнейшие пункты в Ильде-Франсе, стараясь окружить мятежный Париж и изолировать его от остальной Франции. В его намерение входило взять столицу голодной блокадой. Дворянские банды стягивались в лагерь дофина, разоряя и грабя по дороге крестьянство. Правительство накладывало на крестьян повинности, связанные с постройкой и ремонтом укреплений, предназначенных для блокирования Парижа. Терпению крестьян приходил конец.

4

В конце мая 1358 года (полагают, что 28 мая) в небольшом местечке Сен-Ле-д'Эссеран одна из дворянских банд встретила отпор со стороны крестьян, которым мартовский ординанс 1354 года разрешал братья за оружие для борьбы с «брыгандами». Четверо рыцарей и пятеро оруженосцев были убиты. Ясно было, что текст мартовского ординанса не защитит крестьян от дворянской мести, да и

долго сдерживаемой классовой ненависти в деревнях накопилось слишком много.

Крестьяне обратились за помощью к соседям, и из отдельной схватки в короткое время выросло огромное восстание, быстро распространившееся по всей области Бовези, Ильде-Франс, Пикардии, Западной Шампани и окружающим районам 14 современных французских департаментов целиком или частично были охвачены крестьянской войной.

Своим предводителем повстанцы выбрали крестьянина Гильома Каля (или Карля), родом из деревни Меллю, расположенной недалеко от Сен-Ле-д'Эссеран, бывавшего на войне и знакомого с военным делом. Это был «рослый, красивый и красноречивый человек»¹ и, как показывает история восстания, талантливый и энергичный предводитель. Выбор крестьян был, несомненно, удачным. В качестве помощника ему дали какого-то госпитальера², вероятно, как специалиста в военном деле.

Каль завел свою походную канцелярию, свою печать, издавал приказы и грамоты. Как это бывало в большинстве средневековых восстаний, крестьяне не могли преодолеть чувства лояльности по отношению к королевской власти, не понимая ее классовой сущности. На знаменах повстанцев красовались лилии — королевский герб. Их боевым кличем был клич французского королевства — «Монжуа!»³ Сознавая свою неорганизованность и неопытность в военном деле, крестьяне часто принуждали попадавших в их руки дворян становиться их предводителями. Так например еще в начале восстания двое дворян из фамилии Бернье, возвращаясь из Мо, по дороге были окружены отрядом повстанцев, потребовавших от них присоединения к отряду в качестве его предводителей. Один из них отказался и был немедленно убит. Другой же согласился и некоторое время был горе-предводителем, а потом убежал к Жерару Наваррскому. Таких «вождей поневоле»

¹ «Chronique des quatre premiers Valois». Ed S. Luce, p. 71. 1862.

² Госпитальер — член рыцарского монашеского ордена.

у крестьян было немало. Все они спешили при первом удобном случае удирать от своих «соратников».

В движение были втянуты огромные массы крестьянства. Французский историк Фруассар писал о 100 тысячах крестьян, поднявшихся против господ. В этой цифре нет ничего невероятного, но вся эта масса повстанцев была расплыена, рассеяна по всей Северо-восточной Франции, состояла из ряда мелких, разрозненных отрядов, узнать о деятельности которых историку чрезвычайно трудно. Летописи того времени отразили в основном деятельность только двух групп повстанцев, а именно действия центрального отряда, которым руководил лично «генеральный капитан» повстанцев Гильом Каль, и действия смешанного отряда из крестьян и парижан, присланных на помощь повстанцам Этьеном Марселем.

У Гильома Каля собралось около 5—6 тысяч плохо вооруженных крестьян. Повстанцы всюду разрушали и сжигали помещичьи замки и жилища, уничтожали помещичьи архивы, в которых хранились хартии, фиксировавшие неукосильные повинности, возложенные на крестьян. Дворян с их семьями крестьяне часто уничтожали.

Гильом Каль как умный и дальновидный человек понимал необходимость союза крестьян с городами. Обстановка в стране как будто благоприятствовала такому союзу. Париж находился в открытой борьбе с правительством, и, казалось бы, для объединения сил крестьян и горожан против феодальной знати были налицо все предпосылки. Городская беднота сочувствовала крестьянам и во многих городах пыталась выступить на помощь своим собратьям-крестьянам. Но зажиточная городская буржуазия как огня боялась неистовых «жваков». За косами и пиками крестьянских отрядов ей чудился призрак плебейского восстания у себя в городах. Сам Этьен Марсель, хотя и более дальновидный политический деятель, чем все его собратья по классу, в сущности, не сочувствовал крестьянам. Он хотел только использовать крестьян для своих целей, чтобы их руками добиться победы для себя и своего класса, как это

делала буржуазия в борьбе с феодализмом.

Гильом Каль с первых дней восстания послал своих людей к Этьену Марселю, чтобы заключить союз крестьян с городами. Сам же он со своим отрядом двинулся на Компьен, но буржуазия этого города затворила ворота перед крестьянами, приготовилась к бою и не пожелала вступить с ними ни в какие переговоры. Под Санли, к которому двинулся Каль, дела пошли не лучше. Сантисцы в конце концов согласились совместно с крестьянами разрушить в окрестностях несколько разрозненных дворянских замков, долгое время затруднявших торговые сношения, но до тесного союза крестьян с городами тут было еще далеко.

В это время Этьен Марсель, открывший руководивший восстанием в Париже, вооруживший парижан для борьбы с правительством, послал своих людей, чтобы организовать крестьян, восставших в окрестностях Парижа, и направить их энергию на разрушение замков в районе между Сенной и Уазой. С помощью этих замков, закрывавших свободный доступ к столице, регент еще недавно собирался умиротворить парижан голодом. Цель была достигнута очень быстро. Дворяне, как и в остальных районах, охваченных восстанием, растерявшись от неожиданности, бежали в паническом ужасе. Но под Парижем агенты Этьена Марселя не давали крестьянам беспощадно расправляться с врагами. Около тысячи дворянских семейств даже укрылось в самом Париже.

Однако Этьен Марсель выслал отряд из 300 человек под командой старшины мостиков Жана Вальяна на соединение с отрядом Каля. Под замком Эрменвилль они соединились и сообща заняли и разрушили замок. Его владелец Робер де Лорри, королевский придворный, и его семья не были уничтожены, очевидно, благодаря вмешательству предводителя парижан.

Тут пришло известие о том, что против крестьян с сильным войском выступил Карл Наваррский. Каль немедленно снялся с лагеря и храбро двинулся навстречу врагу. Парижский же отряд направился к городу Мо. Видимо, Этьен Марсель, союзником ко-

Французский рыцарь. XIV в.

торого был Карл Наваррский, не желал допустить выступления парижского отряда против своего союзника. Другим мотивом его политики являлось то обстоятельство, что в крепости Мо под охраной слабого отряда затерлось много жен и детей французских дворян, там даже находились жена и сестра регента. Захватив их в плен, Этьен Марсель рассчитывал получить важные преимущества в своей борьбе с дофином.

Карл Наваррский находился в Лонгвилле, близ Дьеппа, в Нормандии, ко-

гда узнал о восстании крестьян. Дворяне, бежавшие из Бовези и других районов, умоляли его придти к ним на помощь и «спасти дворянское сословие королевства от полного истребления». Классовые интересы Карла Наваррского требовали от него немедленного вмешательства в борьбу. У него были еще и другие причины для энергичного выступления. Подавив крестьянское восстание, он рассчитывал заслужить благодарность и симпатии широких кругов французского дворянства и тем расчистить себе дорогу к короне Франции. С четырьмястами копий¹ он двинулся в поход. По дороге к нему присоединились отдельные отряды дворян, и его войско скоро возросло до тысячи копий.

У Клермона должен был произойти решительный бой крестьян с Карлом Наваррским.

Отдавая себе ясный отчет в плохом вооружении, слабой дисциплинированности и неопытности крестьян в военном деле и все еще рассчитывая на поддержку горожан, Каль хотел, уклонившись от боя, увести крестьянские войска к Парижу. Он надеялся, что под Парижем он будет сильнее чем под Клермоном. Но крестьяне, воодушевленные своими успехами, не желали оставить свои родные деревни и требовали битвы, а не отступления. Калью пришлось подчиниться.

Он искусно выбрал позицию и, разделив свое войско на 2 отряда по 2 тысячи человек, выстроил его, прикрыв с фронта телегами, за которыми расположил лучников и арбалетчиков. В тылу он поставил в качестве резерва свою скудную кавалерию — 600 плохо вооруженных конных крестьян. Над крестьянским войском грозно развевались знамена, гремели трубы. Крестьяне громким боевым кличем встретили появление дворянского войска.

Карл Наваррский рассчитывал встретить нестройные толпы и испугался, увидев такое зрелище. Испугались и его рыцари и бриганды. Два дня простояли обе стороны, не решаясь перейти в наступление. Наконец, Карл Наваррский решил действовать хитро-

¹ Копье — средневековая тактическая единица — состояло из рыцаря и его оруженосцев и слуг.

стью и коварством, в которых он был большой мастер. Он рассчитывал обмануть доверчивых и простодушных крестьян и не просчитался. Вызванный им для переговоров, Гильом Каль отправился в лагерь врагов, не потребовав никаких заложников, и был немедленно схвачен. Крестьянское войско лишилось своего талантливого предводителя. Этим и была сломлена сила повстанцев. Ударивший на них с фланга английский отряд, служивший Карлу, уже не встретил энергичного отпора. Атака с фронтом завершила разгром крестьян, которые были деморализованы, лишившись своего предводителя еще до начала боя. Спаслись лишь немногие. Победители устроили свирепую, кровавую баню.

В бою под Клермоном (10 июня 1358 года) были сломлены основные силы крестьянского восстания.

«Так кончилась жакерия невдалеке от того места, где она вспыхнула за две недели до того»¹, — заметил по этому поводу историк восстания С Люс. Часть крестьян бежала в Клермон, но город открыл ворота войскам Карла Наваррского и выдал беглецов. Все они, как и их предводители, были немедленно убиты. Калю дворяне надели на голову раскаленный железный треножник, глумясь над «королем жаков».

5

Между тем отряд парижан, присоединяя к себе по дороге местных повстанцев-крестьян и разрастаясь как снежный ком, подошел к Мо. В крепости царил паника. Около 300 дворянок со своими очень малочисленными защитниками отчаялись получить спасение. Жители Мо во главе со своим мэром Сула почувствовали крестьянам и готовы были присоединиться к ним при штурме крепости. Пришедшие в Мо повстанцы уже готовились к приступу, когда одно случайное событие изменило соотношение сил и судьбу боя.

Об осаде крепости в Мо услышал один из известнейших искателей при-

¹ S Luce «Histoire de la Jaquerie», p. 140

ключений того времени, граф Гастон де Фуа, который в это время проезжал через Шалон на Марне во главе своего отряда вместе с другим гасконским рыцарем-авантюристом, Жаном де Грайи. Оба они, и де Грайи и де Фуа, возвращались из крестового похода против «язычников»-пруссков Узнав о происходящем в Мо, они с 40 копыями поскакали на выручку принцесс и дам, осажденных «жаками». Это ли был не случай прославиться на весь дворянский мир! Их прибытие погубило дело крестьян.

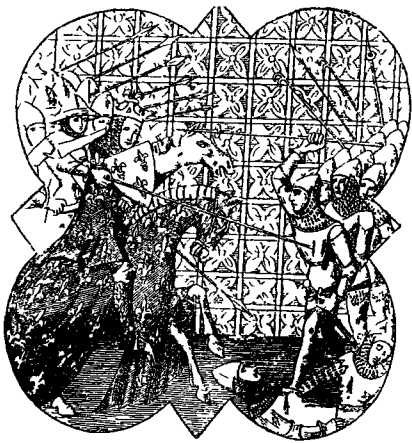
Повстанцы, штурмуя крепость, продвинулись уже до самых ее укреплений и перебили многих из дворянского гарнизона, но при этом они скопились целыми толпами в окружавших крепость улицах города. Женщины, находившиеся в крепости, видя, что плотная масса крестьян уже совсем близко, подняли крик и плач.

Но в это время гарнизон открыл крепостные ворота и по мосту на крестьян, опустив копыя, ринулся отряд конных рыцарей, с ног до головы закованных в стальные доспехи. Судьба боя была решена. Крестьяне, сгученные в узеньких улочках и переулках, вооруженные большей частью кинжалами и тому подобным жалким оружием, целыми рядами валились под копыями и мечами дворян, остававшихся невредимыми в своих доспехах. Битва превратилась в бойню. Рыцари ворвались в город.

Победители резали без пощады и крестьян и горожан, повесили мэра Сула, разрушили и выжгли Мо дотла. Пожар длился 15 дней. Не скоро был восстановлен Мо. С трудом он получил амнистию, но уже навсегда лишился своих коммунальных привилегий и был подчинен парижскому прево². Дворяне расправились с крестьянами. Битвы под Клермоном и Мо окончательно решили исход крестьянской войны. Восстание было дезорганизовано, и началось, как выразился Люс, «конгржакерия»³.

Но крестьянская война 1358 года не сводилась к этим двум решающим бит-

² Прево — королевский чиновник
³ S Luce «Histoire de la Jaquerie», p. 184

Рыцарский бой Франция XIV в
По миниатюре того времени

вам: в различных районах происходили ряд самостоятельных столкновений крестьянских отрядов с дворянскими.

В окрестностях Амьена около 3 тысяч собравшихся крестьян избрало своим предводителем Симона Дубле, но тот убежал. Тогда они избрали Жана де Френон из Кате, в Бовэзи. Близ Линьера они столкнулись с отрядом из 120 пикардийских и нормандских дворян, и более 2 тысяч крестьян остались на поле битвы. В бою был убит предводитель дворян Гильом де Пиквиши, родственник одного из преданнейших приверженцев Карла Наваррского. Это произошло еще до битвы при Клермоне и прибавило ярости Карлу Наваррскому.

В Пертуа дворяне уговорили крестьян разойтись и потом обрушились на них со всей яростью.

Через несколько дней после битвы под Клермоном, около Пуа, отряд дворян, шедший на соединение с войсками Карла Наваррского, встретил отряд крестьян, направлявшийся к уже погибшему Калю. Крестьяне потерпели поражение и около полуторы тысяч их было убито. Позже тот же дворянский отряд разбил при Жерберуа еще одну группу повстанцев, перебив около 800 человек. В одном монастыре, куда укрылись повстанцы, они сожгли еще 300 человек. В Гайфонте они убили тысячу крестьян.

В Бри траф де Русси вешал крестьян

у ворот их хижин. И так двигались по всей Северо-восточной Франции отряды подобных же палачей и убийц!

Регент в начале восстания находился в Сансе и, когда загорелся пожар крестьянской войны, двинул свои войска под командой сира Сэн-Софляе.

Кличем дворян было «смерть мужикам». Примеру отпрыска знаменито буйной феодальной фамилии Ангеррана де Кузи, об'явившего настоящую охоту за «жаками», следовало все дворянство Северо-восточной Франции. Летописец говорит по этому поводу: «Злейшие враги королевства — англичане — не смогли бы сделать то, что наделали собственные дворяне». Кстати, эти «злейшие враги», узнав о крестьянском восстании, немедленно стали помогать своим попавшим в беду французским собратьям по классу, забыв о войне, которая шла в это время между обоими королевствами. На помощь французскому дворянству спешили рыцарские отряды из Лотарингии и Нидерландов.

Только до 24 июня 1358 года, по свидетельству специальных источников, погибло более 20 тысяч крестьян, но бойня продолжалась еще и в августе. Крестьяне бежали в леса. Целые области превращались в пустыри. Из Пертуа крестьяне массами переселялись в графство Бар, оставляя пустыми родные земли.

За убийствами и пожарами последовали тяжелые штрафы и контрибуции. При всем этом крестьяне были обязаны попрежнему выполнять все свои феодальные повинности и в довершение разорения их обложили чрезвычайным налогом на нужды войны с Англией.

Этьен Марсель остался во главе парижан один на один с дворянами. Городские богатеи, видя безнадежность борьбы с правительством, интриговали от него, тем более, что им очень не нравились его связи с погибавшими крестьянами. Карл Наваррский был не союзником, а только интриганом. Этьен Марсель попытался обратиться за помощью к богатым фландрским городам и в своем письме клеймил зверства знати.

«Вы слышали, — писал Марсель, — как великое множество знати, не различая добрых от злых, виновных от

правых, пожгли города, избили без всякой жалости и милосердия добрых людей, подвергли жестоким мукам женщин, детей, священников и монахов. изнасиловали жен в присутствии их мужей, — словом, жестокими и бесчеловечными своими поступками причинили более бед, нежели некогда совершили вандалы и сарацины».

Этьен Марсель умолял фламандцев выступить «на защиту народа, честных земледельцев и честных купцов» от дворян, «этих убийц, грабителей и злых врагов бога и веры». Но голос его не был услышан, и вскоре он сам был убит в Париже агентами дофина. Так называемая парижская революция также окончилась неудачей.

Но дворяне навсегда запомнили крестьянскую войну 1358 года, и с тех пор во французском языке именем «Жакерия» обозначается всякое крестьянское восстание.

* * *

Крестьянская война 1358 года была до крайности неорганизованным и стихийным восстанием. Поистине героические усилия талантливого Гильома Каля не могли спасти положения. Совершенно неопытные в военном отношении, крестьяне были к тому же и едва вооружены. Естественно, что рыцарская конница, закованная в сталь с ног до головы, без особого труда разбивала более многочисленные, но совершенно хаотические массы повстанцев. Восстание раздробилось на целый ряд отдельных, разрозненных вспышек, которые были по частям разгромлены знатью.

В течение всей крестьянской войны 1358 года в ряде городов беднота выступала вместе с крестьянами. В Нормандии, в городе Кане, некто Пьер де Монфор ходил по улицам, прицепив к шляпе изображение плуга и называя себя представителем «жаков», агитировал за присоединение горожан к повстанцам. Вскоре он был убит. В Амьене часть жителей пыталась присоединиться к «жакам», но была рассеяна и перебита мэром, стоявшим во

главе богатых горожан. В Мондилье жители под руководством Жана Булочника разрушили замок сеньора де Пьеррпон. Горожане Бовэ с первых же дней восстания присоединились к крестьянам. Они казнили пленных дворян, которых к ним прислали повстанцы. Впоследствии город жестоко поплатился за это.

Жители Мю во главе со своим мэром вместе с крестьянами и парижским отрядом штурмовали крепость.

Но как бы то ни было, союз восставших крестьян с горожанами не состоялся по вине городской буржуазии. Слова Энгельса, сказанные о немецких крестьянах, восставших в 1525 году, что «некоторые шансы на победу мог им дать только союз с другими сословиями»¹, полностью можно отнести и к восстанию французских крестьян 1358 года, которым тоже не хватало такого союза.

На опыте крестьянской войны 1358 года лишний раз ярко подтверждаются слова товарища Сталина о том, что «отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»².

Но все же борьба крестьянства с феодалами имела большое прогрессивное значение. Только страх перед крестьянским восстанием сдерживал безграничные эксплуататорские аппетиты помещиков. Эта же борьба заставляла знать всерьез подумать о замене серважа вилланским держанием и, таким образом, двигала вперед развитие средневековой французской деревни.

¹ Ф. Энгельс «Крестьянская война в Германии», стр. 30. Соцэкиз 1931.

² И. Сталин «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом», стр. 9. Партиздат 1933.